

В связи со структурными изменениями в отрасли Красноярский НИИ геологии и минерального сырья остался без финансирования

Об этой печальной новости редакции «НК» сообщили читатели-геологи. По их настоятельной просьбе наш корреспондент беседует с заместителем директора по геологии ГП КК «Красноярский НИИ геологии и минерального сырья», кандидатом геолого-минералогических наук Петром КУРГАНЬКОВЫМ.

— Петр Петрович, позвольте вас поздравить с присвоением почетного звания «Заслуженный геолог Российской Федерации». Это ведь и большая честь для института. Сколько лет вы уже в профессии?

— В геологию я пришел в 1976 году, после окончания Саратовского государственного университета им. Н. Г. Чернышевского. А в выборе романтической профессии обязан старшему брату: в седьмом классе он буквально затащил меня в геологоразведочные экспедиции.

Кстати, в Красноярский край я мечтал распределиться, буквально влюбившись в Сибирь, хотя мне предлагали Кавказ. Конечно, свою роль сыграло то обстоятельство,

что именно здесь трудился Владимир Петрович Курганьков, личность в отрасли достаточно известная. Старший брат всегда был для меня примером верности своему делу, которому он служил честно. Светлая ему память, Профессионалу с большой буквы.

А что касается меня, конкретно в КНИИГиМСе я тружусь с 1999 года, уже без малого 20 лет.

И динамика изменилась...

— «Лихие» девяностые... Наверняка вы уже не захватили звездный час института, основанного в 1957 году?□

— Почему же? Как раз таки застал. Сначала это был период, когда институт финансировался из краевого бюджета, потом региональные деньги иссякли, но мы вышли из положения. Примерно десять лет назад наступил не менее успешный этап в деятельности КНИИГиМСа — работа по федеральным программам вплоть до последнего времени.

У нас (я имею в виду отдел региональной геологии и металлогении, который и сейчас остается под моим началом), как правило, было два объекта ежегодно. Работали по алмазам и золоту, на медь и никель, по редким металлам и железу. Это позволяло моим коллегам иметь стабильную зарплату, численность отдела в то время доходила до 25 человек. А всего в институте трудилось 147 высококвалифицированных специалистов.

К сожалению, с созданием Российского геологического холдинга (АО «Росгеология») ситуация коренным образом изменилась в связи с его монополией и непонятным для нас финансированием. Нынче мы остались вообще без денег.

— Выходит, основная причина в изменении позитивной динамики развития КНИИГиМСа связана с образованием Росгеологии?□

— Отсутствие финансирования, урезание бюджетов — это одно. Ну и, конечно,

структурные изменения в верхнем эшелоне отрасли, которые произошли два года назад. Новому холдингу отдали монополию на поисковые работы. И началось: разрушение предприятий, поскольку Росгеология какую-то их часть взяла под свое крыло. Остальные — как хотите!

К слову сказать, эта монополия продлевается до конца года. Что будет дальше, никто не знает: для всех загадка.

— Но ведь КНИИГиМС — это предприятие, которое находится в краевой собственности, имеет функции научно-аналитического центра администрации края по проблемам развития и освоения природно-ресурсного потенциала региона. А финансовая помощь со стороны властей как-то прослеживается?

— К сожалению, я вынужден констатировать: мы не чувствуем ее. Прежде из бюджета финансировались кадастровые работы, сейсмические исследования, экология. Сейчас существует новая структура — Центр по реализации мероприятий по природному пользованию и охране окружающей среды Красноярского края, куда передали наши подразделения: Центр сейсмологического мониторинга, а также экологический отдел. Но говорить о полной структурной перестройке преждевременно, поскольку передача техники и сейсмостанций явно затянулась — эта процедура длится на протяжении ряда лет.

Выскажу свою точку зрения: создание еще одной краевой бюджетной организации по этим вопросам в корне неверно. Зачем требовалось разрушать то, что было создано в недрах института и уже получило оценку у заказчиков? К примеру, Главному управлению МЧС России по Красноярскому краю было бы удобнее работать именно с нами, оперативно получая информацию по сейсмологическим событиям. Спасатели хотят, чтобы все вернулось на круги своя.

Здесь, мне кажется, какие-то глубинные подводные течения: не научный интерес или производственный, а некий передел — собственности и денег.

В целом что касается геологической отрасли, то с новой структурой она просто деградирует. Считаю, что прежний вариант управления геологической отраслью был

самый лучший, а структурная вертикаль (министерство — ПГО — экспедиция, отраслевые институты) — наиболее оптимальной. Это позволяло грамотно выстраивать производственные отношения, в том числе с институтами.

Есть еще одна причина, в силу чего в отрасли настоящий бардак, — нарушена стадийность геологических работ. Прогнозная и тематическая деятельность полностью выпали, а геологическая съемка и доизучение сокращены. Остались одни поисковые работы, но их ведь нужно на базе чего-то выполнять, чтобы, начиная поиск, не зайти на пустую площадь.

Необходимо доводить до ума объекты недропользования, не говоря уже о тематических работах ведомственной науки, на которую у холдинга теперь с легкостью поднимается рука: головные институты начинают уничтожать, объединяя их. А сейчас новое веяние — прорабатывается вопрос о прекращении за счет бюджета поисковых работ. Как говорится, из огня, да в полымя.

Панацея стихийного рынка

— А что же ваши коллеги из Сибирского НИИГГиМСа?

— Они вошли в состав Росгеологии.

— Красноярцы вроде как лишние?

— Не одни мы оказались в таком положении. Республиканские научно-геологические подразделения тоже стали не нужны. Под эгидой Росгеологии в Красноярске находится только одно предприятие — бывшая геологосъемочная экспедиция. Но что-то там не очень довольны переменами: объектов нет, выезжают в поле эпизодически. Отсюда и работа на сокращенном дне, как у нас.

Самая большая ошибка этих реформ: наверху не понимают, что основой экономики является минерально-сырьевая база, которую требуется изучать постоянно.

— И это при наличии сырьевого характера отечественной экономики!

— Разумеется. Если минерально-сырьевую базу не исследовать на протяжении, положим, пяти лет, происходит непоправимое: распадаются профильные коллективы, уходят люди, специалисты высочайшей квалификации. Вновь организовывать новые предприятия будет крайне сложно.

Считаю, что в КНИИГиМСе создан мощный костяк профессионалов, который за более чем полувековую историю не получил ни одного нарекания, производственные отчеты сдавались нами качественно и в срок.

За последние десять лет наши геологи подготовили четыре промышленно значимые площади коренного золота на юге края, по сути, это новый золоторудный кластер — Куртушебинская зона. Более сотни тонн прогнозных ресурсов категории Р1 и Р2. Вообще, нам хотелось бы выдать промышленникам новый горнорудный район. И вот теперь из-за отсутствия финансирования все работы прервались.

— Одна из причин положения, которое сложилось в геологии и во многих других отраслях, — либералы в правительстве действуют сообразно концепции, что рынок все отрегулирует. Очень удобная ширма, она позволяет скрыть собственную некомпетентность и неспособность управлять.

— Тонкая штука — рынок. В геологии, которая немыслима без перспективы, сиюминутная выгода смерти подобна. Не нужно сегодня золото — значит, не стоит и объекты недропользования изучать. А завтра неожиданно возник на него спрос, и где же то самое золото взять? Аналогичная ситуация с другими видами полезных ископаемых.

Честь и хвала нашим геологическим дедам, что наоткрывали в свое время объектов —

будь здоров! Сейчас ничего подобного не произойдет, в том числе открытия крупных месторождений типа второго Норильска.

Отписка из Москвы

— А есть в крае белые пятна в плане геологии?

— Конечно. Но для поисковых работ нужны карты нового поколения, выполненные с помощью дистанционного зондирования. Требуется также новый подход к стратиграфии при изучении последовательности формирования геологических тел.

Взять те же алмазы. Убежден, что наша Сибирская платформа — новая алмазоносная провинция. Бьюсь за эти алмазы давно. К примеру, район реки Вельмо, где нами выделена перспективная площадь в миллионы карат. Границы ее определены, но ведь с этими объектами нужно основательно повозиться, доказать промышленную значимость, а потом уже передавать недропользователям.

— Как сделать, чтобы снять напряженность, что возникла в деятельности института?

— Краевая власть знает о наших проблемах и нуждах хотя бы по той простой причине, что заместитель министра природных ресурсов и экологии Дмитрий Еханин — выходец из КНИИГиМСа. Кроме того, по моей просьбе губернатор края Виктор Толоконский обратился с письмом в Росгеологию. Увы, ответ из Москвы больше похож на бюрократическую отписку. Да, холдинг предусматривает возможности взаимодействовать с красноярским институтом, но конкретика отсутствует.

Беседу вел Николай ЮРЛОВ

КСТАТИ

Остается уповать на то, что регион найдет способ, с помощью которого можно будет финансировать изучение минерально-сырьевой базы Красноярского края. Правда, в этом случае местная власть должна найти источник финансирования и получить «добро» из федерального центра.